

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПОНИМАНИИ ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ТРАДИЦИИ

Г.А.Сивохин

*старший научный сотрудник,
преподаватель кафедры философских учений
Белорусского национального технического университета*

У статті представлено одну з найважливіших проблем у дослідженні Модерніті, викликаних останніми соціокультурними трансформаціями, – проблема Часу та Рефлексії – рефлексії відносно часу та рефлексії взагалі.

Ключевые слова: модерніті, постмодерніті, глобалізація, час, місто.

Одной из важнейших проблем в исследовании *Модернити* и вызванных последним социокультурных трансформаций нам представляется проблема *Времени* и с *Рефлексии* – *рефлексии относительно времени и рефлексии вообще*. В XI–XIII вв., когда на Западе начали подыматься города, формирование нового общества сопровождалось появлением нового типа социальной ментальности. Этот период вслед за Жаком Ле Гоффом можно назвать историей ментальностей, историей замедлений в истории; история ментальностей вместе с тем является и историей трансформаций.

Последнии заложили основы капитализма, для которого, согласно М.Веберу, был необходим особый образ мышления. Такой образ мышления, такое отношение к работе не являются свойственными человеческой природе и не возникают непосредственно в результате манипулирования условиями или оплатой труда – подобное отношение к труду может образоваться исключительно в результате специального воспитания дома и в обществе [3, 32-33]. В соответствии с теорией Чарльза Кули, социальная природа человека "вырабатывается <...> при помощи простых форм интимного взаимодействия, или первичных групп, особенно семейных и соседских, которые существуют везде и всегда воздействуют на индивида одинаково" [3, 39]. А экономический подъем в Европе (если вести речь о *традиционной* экономике, как это делает Ле Гофф, говоря об экономическом толчке в Европе XI–XII вв. в своей "Цивилизации средневекового Запада") был в основном связан с потребностью, например, в преодолении демографического кризиса/роста [6, 211]. Речь идет о том, что надо было накормить, одеть и обеспечить жильем большое количество людей. Решение этой проблемы виделось в увеличении площадей пахотных земель; и даже размеры больших романских и готических храмов в первую очередь соответствовали этим же нуждам.

Согласно Шюцу, будничность конституируется стандартным временем трудовых ритмов. Последнее возникает на пересечении субъективной "продолжительности" и объективного времени. С точки зрения А.Гуревича, время, выступавшее как "конкретная предметная стихия" [2, 91], которое неотделимо от вещей и действий, которые в нем вмещаются, уже в Средние века образует особый ритм жизни, не совпадающий ни с природным, ни с социальным, – субъективный или же личный ритм. Он задается церковью – посредником между человеком и Богом.

Вновь возникший субъективный ритм жизни пересекается с объективным (э.зн. сезонно-природным), который частично совпадает с социально организованным временем [3, 412-413]. На данном пересечении и возникает *стандартное время* – время трудовых и духовных ритмов будничности, характерных для Модернити как когнитивной эпохи.

Особое внимание тут следует обратить на неосознанное, будничное, на автоматизмы поведения, на внешние аспекты индивидуального сознания, на то, что, как утверждает А.Я. Гуревич, было "общим у Цезаря и последнего солдата его легионов, у св. Людовика и крестьянина, который трудился в его доменах, у Колумба и матроса на его каравелле <...>" [1, 194].

Не меньшее внимание тут, как утверждал Жак Ле Гофф, следует уделить и изучению инерционных сил в социальной традиции и истории, в привычках сознания, потому что "ментальности изменяются наиболее медленно. История ментальностей – это история замедлений в истории" [1, 194]. Однако тут нельзя не добавить, что история ментальностей, являясь связанной с жестами, поведением, гендерными установками, тем не менее, абсолютно не сводится к

системам автоматизмов, которые не совпадают с системами сознания, как это утверждает бихевиоризм.

Небезопасно также броситься в стилизацию и вести речь о каком-либо едином социокультурном стандарте ментальности человека разных эпох. В одно и то же время даже в одном сознании могут сосуществовать разные ментальности или какие-либо ролевые клише. Таким образом, приходится вести речь как о наличии какого-то общего идеального ментального социокультурного фона, так и не менее общей и идеальной (в веберовском понимании идеальных типов) ментальности отдельных социальных групп либо индивидов относительно социокультурных стандартов.

К тому же, в "*древние времена*" будничность была не столько будничностью, сколько чередованием приключений. Л.Ионин предлагает рассматривать это не как *приключения* в нашем сегодняшнем понимании, а как часть реальности, "изъятую" из привычного течения жизни, замкнутой в себе и отличающейся крайней остротой эмоционально-волевых проявлений. Будничность в прежние времена распадалась на определенного рода *приключения*, где время поглощалось предметно-смысловой стороной деятельности и не воспринималась как нечто являющееся обособленным от вещей [3, 112]. Естественно, эту позицию не следует воспринимать буквально. *Приключения* возможны не только на фоне устойчивого, стабильного образа жизни (а в "древности" стабильность, устойчивость, как про это свидетельствует целый ряд исследователей, была довольно высокая). Дело в том, что будничность воспринималась более остро и напряженно по сравнению с сегодняшним днем, потому мы и ведем разговор о более глубокой и активной *втянутости* человека в будничность в социокультурном плане в предыдущие эпохи.

Что же касается традиционного общества, которое в контексте трансформаций социокультурных ролей выступает как антитеза Модернити, то имеются определенные основания полагать, что в нем (в традиционном обществе) людям свойственна была такая особенность восприятия времени, как *безучастность* по отношению к последнему, которое не умели точно измерять (естественно, относительно городского модернового проекта всеобщего овладения *временем* посредством часов на ратушах) и к которому, из этого следует, не относились основательно. Связанно это и с тем (либо из этого вытекает), что не существовало точного и такого однозначного противопоставления, как время работы и время отдыха.

Таким образом можно сделать вывод, что в контексте *Модернити* одним из важнейших (или, во всяком случае, одним из наиболее ин-

тересных) аспектов выделяется время и все, что было связано с ним и его регламентацией. Потому что время не является каким-либо внешним признаком либо внешним параметром исторического развития (так, во всяком случае, утверждал Ле Гофф [1, 198]). Время, таким образом, согласно теории Ж. Ле Гоффа, выступает в качестве орудия для социального господства, мощного инструмента контроля над обществом и над социокультурной ситуацией, э.зн. над жизнью и сознанием.

Получив в городах у бюргеров положение, равное положению имущества и профессии, время, которое раньше контролировалось церковью, стало светским – секуляризировалось, т.о. было выполнено необходимое условие социальной службы и трудовой деятельности. Одновременно с овладением временем бюргеры (прежде всего купцы) с конца Средних веков овладели и пространством. Это овладение осуществлялось не только за счет новой интерпретации пространства, тем более не только в практической деятельности бюргеров, но и в распространении их взглядов вокруг *ойкумены* – вокруг их родных *бургов* на близлежащие местечки и деревни и на *чужие* города.

Культурным, идеологическим и экзистенциальным горизонтом людей раннего средневековья были небеса, а потому и ценности людей, сражающихся за свою земную жизнь, были ценностями *неземными*, *внеземными*, *сверхнатуральными*. Между тем, общей чертой обновления системы ценностей, по мнению Ле Гоффа, становится перемещение центра внимания "с небес на землю" [5]. В современном мире возник новый вид восприятия времени: так называемое *реальное время* [3, 413-414] – время, которое релятивизирует все прочие членения времени. Реальное время – это вечное сейчас, или, можно сказать, уничтожение времени.

Реальное время практически ирреально. Тем не менее, именно на нем, на коммуникации в реальном времени, основываются важнейшие современные технологии, в том числе политические и финансовые, которые влияют на социокультурную ситуацию. "Дело не в том, что о каком-либо событии, которое где-либо происходит, надо узнать как можно быстрее. Само событие – это информация. А информация, получаемая в реальном времени, т.е. одновременно с самим событием, означает, что событие совершается повсюду и одновременно. Если повсюду одновременно происходит одно и то же событие, значит, в это же вре-

мя прочие события не происходят <...> Это и есть одно из проявлений всеобщего процесса глобализации" [3, 413].

Таким образом, восприятие времени выступает не только как одна из многочисленных категорий ментальности, но и в качестве предмета научного анализа социокультурной ситуации. Интерпретация времени в обществе является *подконтрольной* доминирующей социальной и духовной силе, а изменение баланса социальных сил ведет и к изменениям в установках в отношении ко времени и к постепенному переходу контроля над последним к новым социальным группам, а значит, и к изменениям в установках относительно социально-культурных стандартов и влиянию на эти изменения.

Между тем в Средние века в европейском обществе *зрела* новая сила, замахнувшаяся на церковную монополию на время, – предприниматели, торговцы. Подъем городов, развитие торговли и ремесла сопровождались глубокой переориентировкой интересов и взглядов городского населения, которое иначе, не так, как *традиционное* сельское население, воспринимало природу и ее циклы. Торговец и ремесленник не могут не дорожить временем, разумное использование которого дает им прибыль и возможность более эффективно распоряжаться рабочей силой. На границе XIII и XIV вв. на башнях соборов и городских ратуш в крупных городах *Запада* устанавливаются механические часы. С этого момента ход времени измеряют не церковные колокола, а механизмы, которые символизируют самостоятельность города и его населения. Именно тогда *торговец* и *ремесленник* и становятся нарушителями покоя, чье появление отмечает переход от закрытой экономики к экономике открытой: положение торговцев – положение сильное экономически; и они не были удовлетворены положением подчиненным относительно *священников* и *воинов**. И именно возникновение городов, *городской оседлости*, с установлением собственности (института права собственности) и развитие инстинкта собственника содействовали установлению нового социально-культурного менталитета, который заключался в том числе и в выборе жизни действенной, а не созерцательной. Расцвету такого городского менталитета содействовало быстрое появление городского патриотизма.

Не возможно не отметить, что "развитие" этой выше упомянутой *новой силы* было сильно переплетено с *Реформацией* и с развитием капитализма (что вытекало одно из другого или, лучше сказать, было в своем *развитии* в состоянии взаимозависимости одно от другого).

Здесь важно отметить, что, по мнению М.Вебера, который основательно разрабатывал данный вопрос, речь совсем не должна ид-

ти о том, что Реформация породила капитализм (капитализм в некоторых его экономических и социально-организационных моментах значительно старше, чем собственно Реформация).

Речь должна идти именно о том, что под влиянием Реформации сложились определенные элементы *культуры капитализма*, нормативная сторона характерного *капиталистического поведения*.

Установление же контроля над временем и его измерением являлось одной из основных причин социальных и идеологических конфликтов относительно отношений внутри общества.

Значит, разрушается контроль церкви не только над временем, но и над социумом и другими социальными преобразованиями. Кроме того, актуализируются вопросы, связанные как с "*простыми*" традиционными социальными трансформациями, так и с *модерновыми*. Когда в XIII в. в Европе появляется время, измеряемое при помощи инструментов – механических часов – и расчлененное на равные части, церковь уже не может его (время) контролировать [4, 124-125].

Таким образом, если раньше (в раннее Средневековье) человека определяли главным образом в соответствии с его социальным положением, полом, возрастом, родом занятий, то с приходом новой эпохи человека начинают осознавать не только как представителя определенной группы (социальной, половой, возрастной, профессиональной и т.д.), но и как индивида со свойственными ему индивидуальными чертами [4, 127-128].

Вообще, для "*массового сознания*" традиционного общества, как в Средние века, так и в Новое время, было присуще смешение времени: в *массовом сознании* путались прошлое, настоящее и будущее. Это проявлялось, как отмечает французский исследователь Жак Ле Гофф, прежде всего в основательности убеждения о коллективной ответственности: "Все люди, которые сейчас живут, отвечают за поступок Адама и Евы, все современные евреи ответственны за муки Христа, а все мусульмане – за магометову ересь <...> [Существенно здесь] не только смешение эпох, но, главным образом, чувства и вера средневековых людей в то, что все существенное для человечества является современным. Каждый год на протяжении тысячелетий литургия заставляла христиан заново переживать сжатую в ней с необычайной силой святую историю. Здесь мы имеем дело с магической

ментальностью, которая преобразует прошлое в настоящее <...>" [6, 164-165].

Средневековье, которое было *жадным* по отношению к датам, как и наше время, *датировало* события по другим правилам и в других целях. То, что было существенным для датировки в Средние века, отличается от того, что стало важным для нее в наше время. Средневековый человек был, по мнению Жака Ле Гоффа, далеким от безразличия в отношении ко времени. Наоборот, он был по отношению к последнему особенно чуток [6, 165-166].

Другое дело, что, если тот и был неточным/непунктуальным, то это потому, что он не нуждался в этом, так как само действие не рассматривалось им в плане отсылки к какой-либо определенной дате-числу. Однако же отсутствие отсылок на дату-*Время* встречалось редко: "Употребляемые <...> обозначения того или иного дня зависели от различных хронологических систем, которые существовали в сознании средневекового человека <...> Он не знал ни унифицированного времени, ни однородной хронологии. Множественность времени – такая реальность для средневекового разума <...> Но была земля <...> первичным хронологическим ориентиром был аграрий" [6, 166-167]. Таким образом, *крестьянское* время – это *время большой продолжительности*. Время сельскохозяйственных работ, крестьянское время – было временем ожидания и терпения, временем постоянного, временем возобновления и, если не неведомости, то, во всяком случае, *временем противления переменам*. Оно не было насыщено событиями и не нуждалось в датах... Или, более точно, его даты подчинялись природному ритму.

При этом важно отметить, что параллельно или, лучше сказать, вместе с крестьянским временем существовали еще и другие формы социального времени: время сеньориальное и время церковное. Позже появилось/*присоединилось* и время города.

Сеньориальное время – это время прежде всего военное, время сбора налогов и податей. Но Средневековье было религиозным и церковным. Религиозным, потому что год, в первую очередь, представлялся как год литургический. Церковным же время было потому, что измерялось оно (время) только церковью.

Для всех выше упомянутых *форм* времени была характерна в той или иной степени зависимость от природного времени. Однако наиболее очевидна эта связь/зависимость в аграрном времени. Основополагающая зависимость временных структур средневековой ментальности от природного времени была характерна для крестьянской общины, лучше всего нашла свое проявление у хронистов.

Среди главных событий неизменно отмечали явления, необыкновенные и неприличные для *Обычного*: неурожай, эпидемии, странную погоду и т.д. Эти довольно важные для исследователей социальной и экономической истории указания непосредственно предопределялись средневековой концепцией времени как упорядоченной природой протяженностью [6, 171-172].

Несомненно, что по всей Европе на протяжении XIV–XV вв. *средневековое* время хотя и медленно, но стало изменяться. Прежде всего это проявилось в появлении/укреплении/развитии времени городского. Успехи городов, возвышение торговой буржуазии и разнообразных предпринимателей, которые нуждались в точном измерении трудового времени и времени торговых и денежных операций, особенно развитие векселей, уничтожали традиционные формы времени и содействовали их унификации. Время становилось секуляризованным и, в конце концов, стало временем часов не башне ратуши, вытеснив этим церковное время колоколов. Тем не менее, переворот произошел довольно глубокий.

Таким образом, одной из важнейших проблем в исследовании *Модернити* и вызванных последним социокультурных трансформаций нам представляется проблема *Времени* и с *Рефлексии*.

В "*древние времена*" будничность была не столько будничностью, сколько чередованием приключений. Л. Ионин предлагает рассматривать это не как *приключения* в нашем сегодняшнем понимании, а как часть реальности, "изъятой" из привычного течения жизни, замкнутой в себе и отличающейся крайней остротой эмоционально-волевых проявлений.

Будничность в прежние времена распадалась на определенного рода *приключения*, где время поглощалось предметно-смысловой стороной деятельности и не воспринималась как нечто, являющиеся обособленным от вещей [3, 112].

Что же касается традиционного общества, которое в контексте трансформаций социокультурных ролей выступает как антитеза Модернити, то имеются определенные основания полагать, что в нем (в традиционном обществе) людям свойственна была такая особенность восприятия времени, как *безучастность* по отношению к последнему, которое не умели точно измерять и к которому, из этого следует, не относились основательно.

Связанно это и с тем (либо из этого вытекает), что не существовало точного и та-

кого однозначного противопоставления, как время работы и время отдыха.

Таким образом можно сделать вывод, что в контексте *Модернити* одним из важнейших аспектов выделяется время и все, что было связано с ним и его регламентацией. Потому что время не является каким-либо внешним признаком либо внешним параметром исторического развития. Время, таким образом, согласно теории Ж. Ле Гоффа, выступает в качестве орудия для социального господства, мощного инструмента контроля над обществом и над социокультурной ситуацией, э.зн. над жизнью и сознанием.

Одновременно с овладением временем бюргеры с конца Средних веков овладели и пространством. Это овладевание осуществлялось не только за счет новой интерпретации пространства, тем более не только в практической деятельности бюргеров, но и в распространении их взглядов вокруг *ойкумены*.

Разрушается не только контроль церкви над временем, но и над социумом и другими социальными преобразованиями; притом наблюдается и активизация вопросов, связанных не только с "*простыми*" социальными трансформациями, но и появление в перспективе и *сегодняшних вопросов*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Исторический синез и Школа "Анналов". – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 286 с.
3. Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2000. – 430 с.
4. Ле Гофф Ж. Время чистилища (III – XIII вв.) // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. – М.: Прогресс, 2001. – С. 216-257.
5. Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII – XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. – 1992. – С. 23-47.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 370 с.

Стаття надійшла до редакції 10.10.2007 р.

